

А.П. Давыдов

слово об авторе

Александр Самуилович Ахиезер родился 29 сентября 1929 года в Москве, где, с небольшими перерывами, и прожил всю жизнь. Он был разносторонне образованным человеком, прошел большую жизненную школу. Высшее образование получил в Московском Государственном экономическом институте Госплана СССР, который окончил в 1953 году. Трудовую деятельность начинал в качестве председателя плановой комиссии Заокского райисполкома Тульской области, затем работал начальником планово-финансового отдела НИИ сельского строительства, параллельно пополняя свое образование. Учился на вечернем отделении факультета по математическим методам планирования в Московском инженерно-экономическом институте (1960-1962 годы), затем - в аспирантуре НИИ Госплана СССР по специальности "народнохозяйственное планирование", которую окончил в 1964 году. В 1967 году окончил ещё одну аспирантуру, на этот раз по специальности "философия".

Собственно научная карьера Александра Самуиловича началась в НИИ градостроительства Академии строительства и архитектуры СССР, где он работал с 1962 по 1968 год. В 1967 году после окончания своей второй аспирантуры защитил кандидатскую диссертацию и вскоре перешёл в НИИ теории, истории и перспективных проблем советской архитектуры, а некоторое время спустя - в 1969 году - в Институт международного рабочего движения АН СССР, где и проработал более 20 лет в должности старшего научного сотрудника. В 1991 году судьба привела его в Центр демографии и экологии человека, который до 1993 года входил в состав Института занятости Минтруда РФ и РАН, а с 1993 года - в состав Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. Все эти годы он был ведущим научным сотрудником лаборатории анализа и прогнозирования миграции, которая сохранилась в ИНП РАН и после перехода в начале 2007 года большей части сотрудников Центра демографии и экологии человека в Институт демографии Высшей школы экономики. В последние годы А.С. Ахиезер работал также по совместительству в Институте философии РАН. В 1998 году

Александр Самуилович защитил докторскую диссертацию по философии.

Все эти формальные вехи профессиональной карьеры А.С. Ахиезера не дают, однако, подлинного представления о его научном пути. Работая в том или ином институте, он достаточно серьезно относился к своим служебным обязанностям. Работая в НИИ градостроительства, он писал очень интересные работы по теории урбанизации. Когда он участвовал в исследованиях лаборатории миграции, то, хотя миграция не была стержнем его интересов, даже его прикосновение к этой теме подняло ее осмысление на новый уровень. Но все это были лишь периферийные отступления от главной темы, работу над которой он вел с середины 1970-х годов, когда начал писать книгу, сделавшую его одним из крупнейших философов России.

Александр Самойлович - автор около 20 монографий и брошюр и свыше 500 статей. Ученый широчайшей эрудиции, глубокий методолог, истинный мыслитель, он стал создателем циклической теории социокультурной динамики развития России. Автор трехтомного труда "Россия: критика исторического опыта", получившего широкий резонанс, не раз обсуждавшегося на специально организованных семинарах и круглых столах, в дискуссиях на страницах научных журналов, на международных конференциях.

Александр Самуилович работал в тех областях науки, которые считал фокусными для понимания прошлого, настоящего и будущего России.

1. Это развитие социокультурной теории и методологии анализа динамики общества. Его метод основан на объединении предметов социологии и культурологии. Ахиезер рассматривает в качестве основы, субстанции общества массовую способность людей, групп, сообществ принимать эффективные решения, способные обеспечить им выживаемость. Теория и методология Ахиезера является теорией переходных процессов, в которой на историческом опыте России показана зависимость выживаемости, жизнеспособности культуры и общества от исторически сложившейся способности людей непрерывно формировать смыслы, осмысливать мир. Эта способность реализуется через диалог между сложившимися смыслами культуры, между полюсами дуальной оппозиции. Этот процесс совпадает с поисками нового смыслового пространства, что необходимо для решения всё более сложных проблем как ответ на опасности, связанные с ростом сложности человеческой реальности.

Тем самым Ахиезер предложил новую теорию развития общества как социокультурного процесса, где каждая инновация должна осмысливаться как попытка преодоления противоречия, угрозы раскола между полюсами дуальной оппозиции. Дуальная оппозиция рассматривается не только как исходная клеточка организации культуры, необходимая для формирования нового смысла, но и как форма организации человеческой реальности. Осмысление мира является предпосылкой, аспектом диалогизации, в частности, диалогизации традиционной и либеральной суперцивилизаций.

Ахиезер ввел в научный оборот понятия "инверсия" и "медиация" как способы движения мысли между полюсами дуальной оппозиции. По Ахиезеру, инверсия - логика метания между полюсами-абсолютами, игнорирующая смыслоформирующую "середины" и характерная для динамики русской культуры, медиация (media - лат. середина) - логика поиска нового смысла в сфере между полюсами, слабо выраженная в русской культуре. Эти логики составляют противоречивое единство мыслительного процесса русского человека. Отличие "медиации" Ахиезера от "медиации" К. Леви Стросса, впервые введшего это понятие в научный оборот, огромно. Леви Стросс, изучавший мышление первобытных племён, понимал медиацию как статичную смысловую альтернативу статичным полюсам в сфере между ними. Ахиезер, изучавший мышление русского человека, понимал медиацию как динамичный процесс, альтернативный исторически сложившимся статичным полюсам в динамике русской культуры.

2. Это теория циклического развития России, которая объясняет закономерности маятникового развития циклов, начиная с Киевской Руси и по настоящее время. Ахиезер раскрыл конкретно-историческое содержание каждого этапа и периода. Он также показал природу раскола русской культуры и общества, механизм адаптации русской культуры к расколу, что рассматривается им как "историческая ловушка", в которой находится русская культура. Сегодня это единственная в российской науке теория развития России, основанная на социокультурной методологии. Ахиезер предсказал логику и время распада СССР.

3. Это новая интерпретация философствования на его современном этапе в специфических условиях России. В статьях в журнале "Вопросы философии" и книге "Труды" Ахиезер обосновывает необходимость философствования, "погружённого в культуру". Разрабатываемое им понятие "субъект-диалог" он нацеливает на понимание того, что в основе человеческой реальности

лежит выраженная в культуре и организации человеческих отношений способность к диалогизации общества, к постоянному на этой основе повышению его жизнеспособности.

4. Это разработка типологии нравственных идеалов как основания форм деятельности. Он выделил в российской культуре нравственные типы: вечевой (соборный, авторитарный), утилитарный (умеренный утилитаризм, развитый утилитаризм), либеральный, ввёл понятие "нравственный гибрид". Эта типология позволяет понять изменения культурных оснований хозяйственных решений, всей человеческой деятельности.

Ахиезер работал на самом острие социокультурной проблематики России, поэтому его обходили стороной вежливые академики, осторожные грантодатели и умные СМИ, он был явно обделен премиями и званиями.

Все, знавшие Александр Самуиловича, восприняли его уход из жизни как огромное горе. Умер крупный философ, создавший эпоху в культурологии, старый верный друг, товарищ по научной работе, учитель, рыцарь науки. До самозабвения увлеченный исследовательским процессом, он не просто работал в науке, он был ее архитектором, художником, певцом. Каждому научному открытию, каждой новой оригинальной мысли он радовался как ребёнок. Он создал свою школу. Его ученики - в Москве, Тюмени, Саранске, Санкт Петербурге, Казахстане.

ПРОБЛЕМА РЕФОРМЫ И ПРОБЛЕМА АРХАИЗАЦИИ

Ахиезер А.С.

Секрет неудач хозяйственных реформ российского общества заключается в массовом несоответствии личностной культуры людей, которые должны были ее выполнять, и замыслов реформаторов. Это несоответствие приобретало форму не только пассивного неприятия реформ, но и активизации традиционализма, его архаичных форм в ответ на попытки изменить сложившийся порядок, культуру общества. Архаизация является попыткой инверсионного возврата значимой части населения к господству древних пластов культуры, форм общения; она есть активизация ранее, казалось, отступивших на задний план архаичных ценностей, программ деятельности, значимо придвинутых к догосударственному вечевому идеалу. Архаизация может возникнуть как ответ на активизацию

либерально-модернистской культуры, на реформы. Архаизация обычно обладает гораздо большим энергетическим потенциалом, то есть массой носителей, способных смести реформу, посеять смуту, уничтожить государство. Реформаторы в России никогда не располагали значительным потенциалом, даже если они при этом опирались на мощь государства. Попытка превратить государство в оплот против архаизации сталкивается с противоположной тенденцией, то есть с возможным постепенным проникновением архаизации в государство вплоть до его превращения в орудие архаизации, последовательное или непоследовательное. Поверхностная политология часто рассматривает этот процесс как результат козней тех или иных политиков. Как большевизм, так и российский либерализм пытались строить свои концепции развития России, игнорируя, по существу, центральный фактор российской реальности — мощь массового традиционализма, способного в единый миг уничтожить государство, противопоставив большому обществу массовый локализм, не зная, как опасна недостаточная способность расколотых частей общества стать на путь развития диалога.

Большевики осознали способность крестьян сокрушить власть и создали на этой основе миф о революционности крестьянства, понимаемой как предпосылка для появления функционального общества. Этот миф, однако, разлетелся в прах сразу после возникновения советской власти, когда еще раз выявилось стремление крестьян построить свою жизнь в изолированных крестьянских мирах, забыв о большом обществе, о государстве. Так как крестьянство — это подавляющее большинство населения, то падение нового порядка, несущего в своей основе столь фундаментальную иллюзию, было лишь вопросом времени. Ленин в конце жизни понял, что судьба России зависит от гигантской массы крестьян, от попытки соединить государственность, нацеленную на нечто вроде модернизации, и архаичное крестьянство. Однако он не предложил реалистический путь, достаточно конкретную программу для решения этой проблемы. Крах политики «смычки города и деревни» показал это с полной очевидностью. Уровень рынка в стране оказался для решения этой задачи совершенно недостаточным, что угрожало потерей государством доступа к жизненно важным ресурсам. Сталин, опираясь на раскол внутри крестьян, пытался разрешить эту проблему их массовым избиением, подчинив уцелевших террористической власти государства. Однако и это решение проблемы не могло противопоставить «крестьянскому

социализму» вариант функционального общества. Сталинская политика партийного строительства, и противоположность ленинской, открыла путь в партию для широкой массы рабочих и крестьян, что усилило стремление внутри партии и государства к архаичному локализму и ограниченному утилитаризму, усилило массовое стремление к натурализации хозяйства. Архаизация сдвигала государство к догосударственному состоянию даже при общем ослаблении крестьянства.

Архаизация России — не новая проблема. Еще М. Вебер в начале XX века с глубокой проницательностью писал, что предполагаемые аграрные отношения будут «по сути в духе архаического крестьянского коммунизма»⁵². В современной исторической российской науке ощущается интерес к проблеме архаизации. Например, в культурологическом труде А. А. Пелипенко и И.Г. Яковенко Россия рассматривается как «выражение манихейского типа цивилизации»⁵³, то есть выражение идеологии, основанной на архаичном схематизме спарагмоса. Интерес к архаизации конкретизируется в процессе анализа в обществе влияния уже прошедших, казалось бы, этапов. «Все послепервобытные докапиталистические общественные формации покоились на фундаменте сельской общины», что «определяло возможность возникновения смешанных форм, возвращения к ранее пройденным этапам»⁵⁴. Проблема «возвращения к ранее пройденным этапам» представляет важнейшую проблему истории страны. Один историк пишет, что Россия выступает как «архаичный социум»⁵⁵, в котором «был сохранен и архаичный защитный механизм общинного землепользования»⁵⁶. Другой историк говорит об архаичном массовом поведении в XX веке. В начале века «произошел не прорыв в будущее, а напротив — архаизация всей общественной структуры... проснулись настоящие племенные инстинкты... Фактически происходит сакрализация самых архаичных форм человеческого естества»... Победила «социальная архаика»⁵⁷. Архаика, следовательно, и в XX веке является элементом повседневности. Угроза архаизации постоянно присутствует в обществе, внимание к ней под разными названиями возникает постоянно. Бердяев пишет,

⁵² Донде А. Комментарии М. Вебера к русской революции // Русский исторический журнал. 1998. № 1. С. 198.

⁵³ Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. М., 1998. С. 284.

⁵⁴ Данилова Л.В. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С. 7.

⁵⁵ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 564.

⁵⁶ Там же. С. 571.

⁵⁷ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

например, о «рабстве у темных сил»⁵⁸, даже церковь разрушается «господством над ней темных сил». Наше общество оказалось сильно «зараженным» архаикой. Оно «деструктивно»⁵⁹. Общество идет, как полагает автор, «к рефеодализации, к естественному состоянию (видимо, к животному состоянию, предшествующему обществу. — А.А.), к архаике и архетипу, к анархическому индивиду»⁶⁰. Писатель А. Платонов имитировал пронизанную революционным утопизмом архаичную массу и тем самым порвал с преклонением перед народом. Отмечается, что «беда человека» в том, что «он сохранил свои архаические представления об окружающей среде»⁶¹. Активизация оттесненной культуры может касаться ее разных пластов, отличающихся разной исторической дистанцией от современности. Спарагмос органически присущ господству отношений геноцида между древнейшими, до религиозными догосударственными локальными сообществами.

История человечества есть ослабление, отход от спарагмоса, и одновременно возврат к нему, возможно, в ослабленных, возможно, в крайних формах. Обращение к культурному потенциалу спарагмоса приводит к войнам, включая гражданские, к превращению отношений людей в конфликты, в столкновение агрессий, к противостоянию интеллектуализации и прогрессу во всех их формах, к страху перед развитием собственных творческих способностей, перед рефлексией. Соблазн решать проблемы через спарагмос — постоянное явление культуры. Особенно к этому тяготеют культуры манихейского типа, в той или иной степени исходящие из того, что реальность есть абсолютное столкновение двух противоположных начал, то есть добра и зла. Именно эту идеологию взяли на вооружение русские революционеры, и прежде всего большевики. Вся история пронизана попытками опереться на архаичные ценности. Например, Н. Карамзин видел причину падения Великого Новгорода в том, что сложившийся в нем порядок носил «архаические, пережиточные черты»⁶². До середины XVI в. имел место, как полагают некоторые историки, экономический подъем, который «мог бы явиться началом весьма серьезных сдвигов во всех сферах ее (страны) жизни, сдвигов... предбуржуазного свойства. Симптомы этого уже давали о себе знать еще в XV в.»⁶³. Это вызвало

⁵⁸ Бердяев Н. Судьба России. М., 1990. С. 28, 51.

⁵⁹ Федотова В.Г. Анархия и порядок. М. М., 2000. С. С. 23, 55.

⁶⁰ Там же. С. 26.

⁶¹ Моисеев Н.Н. Цивилизация на переломе. М., 1996. С. 160.

⁶² Алексеев Ю.Г. Отселе история наша приемлет достоинство истинно государственное... // Карамзин Н.М. История государства российского. 1998. Т. 6. С. 383.

⁶³ Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. С. 10.

борьбу «двух тенденций развития страны. Стоял вопрос, по какому пути пойдет Русь: по предбуржуазному, который развивался на Севере с его соледобывающей промышленностью, или по крепостническому? Север противостоял Центру и был в конечном счете им подмят под себя... Крепостнической, крестьянской и монашеской Москве противостояла северная вольница промысловых людей (солеваров, охотников, рыболовов) и свободных крестьян. Гибель свободы Галича повлекла за собой падение Твери и Новгорода, а затем и кровавое зарево опричнины»⁶⁴. Смута XV века была ожесточенной кровавой борьбой между архаизацией во главе с Москвой и предбуржуазным развитием торгово-ремесленных посадков, солеваров, черносошных крестьян, которые в то время характеризовались наибольшим развитием товарных отношений. Москва (князь Василий II) опиралась на военно-служилых землевладельцев, не имевших богатств и не связанных с торговлей. Победа Москвы задавала вектор дальнейшего развития страны, обретшего свою социокультурную базу в архаичной части общества. Победу одержал «хлеборобный Центр с его холопьем покорностью властям и благочестивостью бессловесной паствы... Его средоточию — Москве суждено было одержать победу в борьбе за единство Руси»⁶⁵. Это приводило к существенным последствиям. «Москва пустела. Разорялись города, уводились в полон жители. Бурный рост городов в уделах, на западных и северных окраинах происходил в обстановке упадка жизни городов Центра. Владимир, Переславль, Ростов, Суздаль постепенно превращаются в обычные провинциальные центры, забытые дворами княжат, бояр и детей боярских с их военной и ремесленной челядью, наполненные храмами и монастырскими подворьями. Нечем было дышать в них свободному умельцу-ремесленнику. По мере роста земледелия города в Центре аграризируются. В упадок приходили и старинные города, центры бывших княжений... победили несчастные, задавленные нуждой мужики и хищные грабители из Государева двора... Свои богатства они создавали путем захвата, полона, продажи своих же соотечественников в холопство на восточных рынках»⁶⁶. Одержав победу, великий князь Василий II устроил массовую казнь своих противников, что задавало образец для последующих кровавых попыток установить крайний авторитаризм.

⁶⁴ Зимин А.А. Витязь на распутье. Феодалная война в России XV в. М., 1991, с. 209-210.

⁶⁵ Там же. С. 203.

⁶⁶ Там же. С. 203, 205, 208-209.

Свидетельством борьбы с архаизацией, видимо, может служить земская реформа Избранной рады 50-х годов XVI века, направленная «на предотвращение уже тогда явно маячащих на политическом горизонте опричных порядков»⁶⁷. Однако ее результаты были уничтожены, начался опричный террор — восстановление спарагмоса, направленного внутрь общества, после которого черные волости в значительной части были уничтожены, земское самоуправление было заменено дворянским. К началу XVII века наблюдается исчезновение свободного черносошного крестьянского землевладения, «столь беспощадно и поразительно быстро поглощенного поместной системой», что это имело «пагубные последствия для развития России»⁶⁸. В первой половине XVI в. торгово-ремесленные поселения могли становиться городами. Некоторые авторы⁶⁹ пишут, что в XII-XV вв., вплоть до середины XVI в. можно проследить корпоративное устройство ремесленников в городах. Однако затем это явление не наблюдается, прекращается строительство городов, отмечается процесс обнищания посадских⁷⁰, то есть ослабление специфического потенциала городского населения. Крестьянство и низшие слои городов составляют в культурном отношении единую массу.

Общество в послеордынский период искало путь устойчивой, стабильной государственности. При этом оно опиралось на исторически сложившуюся способность групп, например, боярства отвечать на любую опасность, кризис, изменение посредством укрепления, развития своей роли в принятии государственных решений, в совершенствовании механизма этих решений. Во время царствования Ивана IV столкнулись две линии развития государства. Одна была связана с Избранной радой, от деятельности которой царь отрекся⁷¹. Ее политика способствовала дальнейшей централизации государства и развитию в направлении к абсолютизму европейского типа⁷². Это правительство своими реформами сделало важный шаг по пути формирования сословного общества, соответственно, сословной монархии. Политика царя опиралась на усилившееся в первое десятилетие XVI в. влияние идей об особой роли российского государя, возлагавших на него надежды, которых не смог оправдать византийский император. Окружение царя не обладало достаточна

⁶⁷ Носов Н.Е., Указ. Соч. С. 13.

⁶⁸ Носов Н.Е., Указ. Соч. С. 12.

⁶⁹ Рыбаков Б.А. Ремесло древней Руси. М., 1948.; Тихомиров М.Н. Древнерусский города. М., 1956.

⁷⁰ См.: Панкратова А.М. Наймиты на Руси в XVII в. // Акад. Б.Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952. и др. ее работы.

⁷¹ Переписи Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979.

⁷² Шмидт С.О. // Вопросы истории, 1968. № 5. С. 24.

развитым личным и групповым самосознанием, чтобы осмыслить опасность одностороннего крена в системе принятия государственных решений в сторону единоличной власти, чтобы удержать, а возможно, углубить, придать конституционную форму тезису обычного права — «царь указал, а бояре приговорили». Сдвиги в механизме принятия решения не определялись ни одной из сторон на основе последовательного рационального расчета, более или менее продуманных последствий того или иного решения на основе исторического опыта.

Решения всеми сторонами принимались на основе различных исторических мифов. С одной стороны, миф, идущий от веры в безусловную власть патриархального отца над членами своей семьи (превратившийся в миф государства как вотчины), усиленный определенной интерпретацией опыта византийской власти, придавшей ему актуальную форму. С другой, фигурировал миф братской семьи, усиленный историческим опытом отношения князя и его дружины. Победил первый миф, так как вся масса населения, за исключением тонкой прослойки, верила в царя как в тотем отца, и ненавидела слуг царя, чиновника, «начальство». Массовая архаичная мифология открыла путь террору против «измены», с которой должен был вести борьбу царь — мифологический культурный герой, носитель народной Правды. По сути политика царя была в основном антикрестьянской, в меньшей степени антибоярской. Бояре несли урон, но не были уничтожены (что Сталин считал ошибкой царя), так как без них не было возможно государство. Попытка довести авторитаризм до крайних форм привела к мощному рывку закрепощения общества. Эти процессы органически едины в России, что крайне важно для понимания того и другого. Победил путь не к сословному обществу, а к превращению сословий в служилых по своей сути, что сопровождалось их закрепощением. Террор породил потоки дезорганизации, разрушал государство, порождал смуту, которая, в конечном итоге, поглотила государство.

Мифологичность этой борьбы, отсутствие развитых и последовательных рациональных мотивов и действий еще раз доказывается тем, что «до сих пор нет серьезных доказательств, что царь в своей политике сталкивался с непримиримой, готовой на крайние меры оппозицией, и продолжали сохраняться серьезные сомнения в существовании целого ряда заговоров, которые Иван IV подавлял с такой же жестокостью»⁷³.

⁷³ Флоря Б. Иван Грозный. М., 1999. С. 397.

Страна, следовательно, в процессе формирования послеордынского государства двинулась, но пути архаизации, авторитарной разновидности вечевого идеала, отторгнув предбуржуазное развитие, развитие утилитаризма от более простых форм к развитым, расширение сферы земского самоуправления, разделения властей, роста ценности личности, правового государства. Общество капитулировало перед ним ударом, так как не накопило достаточного культурного и организационного потенциала для диалога между противоположными тенденциями своего развития, для поиска меры их соотношения, не приблизилось к пониманию, что эффективное достижение, в конечном итоге, всегда компромисс, всегда преодоление инверсии.

Напряженный и трагический процесс нарастания архаизации, приведший к катастрофическим событиям, окрасившим в свой цвет историю страны в XX веке, был ответом на реформы, проходившие между 1861 и началом Первой мировой войны. Кровавые отблески этих событий, которые пугали и прельщали соблазном архаизации, изображались полуобразованными интеллигентами как реальный прогресс, рывок к высшей справедливости, всеобщему счастью. Для описания этой картины использовались достижения западного просвещения, потенциал достижений наук об обществе, рассмотренных через призму ценностей восстания архаичных сил. Крестьянство ответило на освобождение в конце XIX в. активизацией уравнивательных ценностей, восстановлением общинных отношений. В период 1880-1902 годов процент общин по 66 уездам, сохранившим беспредельное, неуравнительное землепользование, уменьшился с 65 до 12,5%. Причем увеличивались наиболее архаичные формы передела, т. е. по едокам⁷⁴. Архаизация проявилась и в борьбе против более богатого соседа, что посеяло семена гражданской войны. Борьба в деревне была направлена на передел земли, то есть прежде всего против помещиков. Однако помещичье землевладение постепенно исчезало и к 1917 г. составило примерно 10% пригодных для сельского хозяйства земель, что никак не могло решить проблемы. Развитие же культуры земледелия не представляло интереса для большинства. Крестьянские депутаты в Думе говорили, что «культура дело барское» и требовали от власти принять чисто экстенсивное решение, то есть расширить крестьянское землепользование. В конечном итоге, эта волна архаизации приобрела разрушительную форму хулиганства, нравственного упадка, о чем писали многие современники. Она обескровила

⁷⁴ Вениаминов П. Крестьянская община. Б.м., 1908.

государство, вернула крепостничество в форме военного коммунизма и сталинского тоталитаризма, то есть привела к экстраполяции древних форм отношений внутри локальных миров на государство, общество в целом, превратив в конечном итоге, государство в проводника, агента этой архаизации, хотя и не всегда последовательного. По сути здесь на новом уровне повторилась архаизация XV-XVI в., когда сама центральная власть превратилась в ее проводника, хотя в последнем случае рост утилитаризма толкал власть к модернизации, что, в свою очередь, толкало к критике архаизации, к реформам.

Архаизация в России является составным элементом истории страны, значимость которого весьма высока, особенно в кризисные моменты истории, без учета этого трудно понять реальный ход такого специфического процесса, как история России. Вечевая культура, ее разновидности являются лишь элементом разнообразия форм культуры, нравственности. Поэтому ссылки на традиционализм уже недостаточны, чтобы объяснить как общее стремление к застою, так и слабость энергетической основы для прогрессивных реформ. Здесь общество сталкивается с трагическим обстоятельством. Хотя оно и отвечало на кризис традиционализма новыми формами нравственности, открывающими новые перспективы для развития и реформ, тем не менее, энергетическая мощь традиционализма, его массовая база исторически оказывается столь значимой, что кризис традиционализма, как он происходит в России, практически превращается в кризис культуры, нравственности и общества в целом. Кризис культуры и нравственности означает, что между ними и обществом сложилось глубокое несоответствие, противоречие, раскол. Это объясняется не только тем, что вечевого идеал оказался не в состоянии создать органическую нравственную основу для большого общества, государства, выйти за рамки эмоционального отношения к ним, но и в том, что эту основу не могли создать и другие нравственные основания, например, гибридные идеалы, сложившиеся в обществе. Это подтверждают две национальные катастрофы, произошедшие в 1917 и в 1991 годах. Общество не сформировало культурной основы для их предотвращения, для разрешения накопившихся проблем некатастрофическим путем.

Выживаемость общества зависит от способности людей совершенствовать свою реакцию на усложнение мира, на усложнение подлежащих формулировке и разрешению проблем. Развитие утилитаризма и либерализма и было подобным ответом, попыткой найти более совершенные ответы на очередные вызовы

истории. По сути дела, любые реформы, часто к неявном виде, характеризовались тем, что они пытались нащупать в обществе какие-то новые нравственные основания, спровоцировать сдвиги в ментальности (стремились создать нового человека). Существенные попытки в этой области можно констатировать, начиная с петровских реформ. Для них характера попытка нащупать новые основания для массовых действий, новые цели, попытка опереться на ростки новой нравственности, апеллировать к сознанию людей. Анализ деятельности Петра I продуктивен лишь на фоне того, что «в России постепенно вызревала критика традиционной цивилизации»⁷⁵. Для Петра характерно стремление выдвинуть труд в качестве человеческой ценности в протестантском духе, обращение к идее человеческого блага. Историческое значение петровских реформ заключается в том, что они были попытками, хотя и слабо отрефлексированными, в определенной степени сдвинуть культурные основы государственной политики ближе к полюсу либерализма. Его судьба в России, при общности ценностного механизма в рамках общего идеального типа, не похожа на судьбу западного либерализма.

В России почвенная база либерализма всегда была слаба. Его стимулировала неспособность общества достаточно эффективно ответить на вызов истории другими долиберальными типами синтеза, что с силой толкало даже самых ярых противников либерализма использовать его потенциал. Общий голод на эффективность превращал либерализм в вожденный предмет для всех. В России либерализм редуцировался, искажался до неузнаваемости, низводился до уровня средств.

Именно так поступали с либерально-модернистским идеалом революционеры, которые включали в сферу утилитарного манипулирования духовные и материальные ценности либерализма, хотя и существенно различным образом. Для революционеров либерализм был не только врагом, но средством получения идей, которые, возможно, могли бы быть использованы для удовлетворения их утилитарных целей. Попытка редуцировать либерализм до утилитаризма возможна лишь в ограниченных масштабах, так как это приводит к росту дезорганизации в культуре и в человеческих отношениях.

Появление потребности в серьезных реформах связано с осознанием в тех или иных формах, насколько значимы для выживаемости различия между российским и западными

⁷⁵ Давыдов А.П. Цивилизационные основы политики модернизации культуры // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 12, политические науки, 1998. № 4. С. 39.

обществами в сфере эффективности ключевых форм деятельности, в способности повышать эффективность. Опыт последующей истории показывает, что это различие фундаментально не только для культур, но и для суперцивилизаций. В масштабе мировой истории постепенно выявилось различие двух идеальных типов суперцивилизаций, связанных с двумя разными типами воспроизводства, то есть традиционным, ориентированным на статику, и либеральным, ориентированным на динамику, на саморазвитие. Переход между типами суперцивилизаций становится важнейшей проблемой для понимания как внутренних проблем стран и народов, так и отношений между ними. Для российского общества это означало, что в стране образовался сложный, внутренне противоречивый нравственный схематизм (см. 4). Он включал традиционализм, за которым с начала истории до сегодняшнего дня стоит массовый энергетический потенциал. При этом нельзя игнорировать, что эта поддержка замутнена различными нравственными гибридами, существенной критикой, «порчей» самого традиционализма, особенно утилитаризмом. Одновременно способность общества к выживаемости на основе вечевоего идеала во всех его формах снижается. Противоположным полюсом традиционализма является либеральная нравственность, потенциально несущая в себе возможность напряженного повышения эффективности, способность выживать в усложняющейся ситуации. Между ними лежит пласт утилитаризма, составляющего переходную форму. Специфика этого схематизма не только в том, что он включает в себя пласты культуры разных суперцивилизаций (это в тех или иных масштабах существует в любом обществе), но в самом характере отношений между элементами этого схематизма.

Раскол имеет место не только между идеалами, но и между массовым человеческим потенциалом и возможностью общества развиваться по пути постоянного роста эффективных решений. Этот раскол носит суперцивилизационный характер. Страна, ее культурное поле оказались расколотыми между двумя путями выживаемости: стремлением воспроизводить общество в неизменном состоянии, что в изменяющемся мире неизбежно приводит к возрастающей дезорганизации, и на основе постоянного качественного развития культуры. Эти два стремления в условиях раскола, слабости диалога разрушают друг друга, порождая потоки дезорганизации. Этот уже давно сложившийся в стране нравственный схематизм остается в своей основе неизменным. Однако происходят определенные изменения, которые имеют далеко

идущие последствия. Расширение и углубление нравственного поля реформ за счет развития новых нравственных идеалов одновременно существенно усложняет задачу реформ. Традиционализм, его энергетическая база, хотя и ослабляется, тем не менее, нарастающее влияние утилитаризма, его противоречивая связь с традиционализмом существенно усложняют замысел реформ, их реализацию.

Петровские реформы в той или иной неадекватной форме поставили проблему перехода к либеральной суперцивилизации. Перед Россией встала проблема качественного нравственного сдвига, преодоления одностороннего господства разновидностей традиционной вечевой культуры, нравственности. Вследствие попыток петровских реформ перейти эту границу страна оказалась между стремлением власти сделать это и противодействием подавляющей части населения. Здесь лежала пропасть раскола. Реформаторские попытки Петра достаточно часто сталкивались со стеной непонимания, точнее, со сложившимся образом жизни, ментальностью, нравственностью подавляющего большинства. Например, попытка Петра создать коллегии, где все проблемы решались бы голосованием, принятием решения большинством, т. е. внедрением элементов либерализма, совершенно расходилась с вечевой традицией. Историки не засвидетельствовали ни одного факта голосования в коллегиях, где разделились бы на большинство и меньшинство. Крайне ограниченной оказалась тяга к образованию, повышению квалификации. Хотя в более отдаленной перспективе петровская реформа может рассматриваться как некоторый толчок к просвещению, к осознанию его необходимости. Фактически просвещение отсутствовало до времени Екатерины Второй. Был дан стимул развитию слою просвещенных людей, запятых в сфере духа наукой, образованием, дан стимул спорам, размышлениям, в центре которых стояла проблема качественных изменений в обществе. Эта озабоченность выходила за рамки чисто духовной жизни, но касалась всего цивилизационного строя общества, необходимости решить альтернативу динамики российского общества, то есть ответить на вопрос: должно ли российское общество двигаться по пути либерально-модернистских ценностей, коренным образом изменить историческую ментальность, стать на путь достижения, пойти по пути русского немца Штольца или остаться лежать на диване, как это делал Обломов из романа А. И. Гончарова, где в художественной форме выражалась альтернатива двух суперцивилизаций в

российском обществе, проблематичность переходов, диалога между ними.

Кризис традиционализма, как и схематизма культуры в целом, не был разрешен ни петровской реформой, ни любой из последующих. Он скорее углублялся. Петровские реформы выявили, что кризис традиционализма, который является в конечном итоге кризисом культуры и кризисом общества, не был разрешен в результате попыток встать на путь развития новых форм нравственности. Причина была элементарно проста. Хотя нельзя было не констатировать усложнение нравственного схематизма, тем не менее, традиционализм и связанный с ним умеренный утилитаризм, эмоциональная культура продолжали оказывать определяющее влияние в обществе. Сами попытки петровских реформ, ответственность за которые взял на себя царь, были симптомом резко нарастающей потребности качественного сдвига в системном схематизме форм нравственности. Этот схематизм должен был обеспечить основу для социально-экономического, политического прогресса общества, перехода к либеральной суперцивилизации. С этой напряженной проблемой Россия перешла в XIX век, который был отмечен полосой реформ. С 90-х годов начались попытки модернизации, а в начале XX века — столыпинская реформа, прямое продолжение реформы 1861 г., то есть попытка уничтожить институт, порождающий эманацию крепостничества.

Катастрофа 1917 года была результатом несоответствия реального массового схематизма нравственности и иллюзорных представлений реформаторов о возможностях реализации реформ в неадекватных условиях, которые не были ими достаточно осмыслены. Проекты реформ были результатом не просто личной инициативы реформатора, но глубоких сдвигов в нравственном схематизме, усиления влияния новых нравственных идеалов. Однако массовая база этих новых идеалов оказывалась недостаточной для осуществления реформ в той форме, как они были задуманы, затрагивающих образ жизни, ценности большинства.

Суть любого проекта реформ должна рассматриваться через соотношение господствующего в обществе нравственного схематизма и нравственных оснований проекта.

Для понимания специфики общества, цивилизации первостепенную важность имеют следующие моменты:

1. В истории страны постоянно происходили качественные изменения в нравственном проблемном схематизме. Это, прежде всего возрастающее значение утилитаризма и либерализма. Этот

процесс не достиг решающего перелома, не позволил преодолеть промежуточное состояние страны между двумя суперцивилизациями, но, тем не менее, усиливал в обществе потенциал изменений. Это открывало новые позитивные возможности, но одновременно несло потенциал повышения уровня дезорганизации.

2. Проблемному схематизму присуща возможность архаизации, то есть повышение значимости традиционализма,

несущего потенциал противостояния возрастанию значимости развитого утилитаризма и либерализма, реформам, переходу к либеральной суперцивилизации.

3. Особый интерес в отношении путей архаизации представляет отрезок истории российского общества, крайними точками которого являются две смуты XV в. и XVII в. Тогда определенная возможность динамики общества, открывающая перспективы предбуржуазного развития, оказалась, как предполагают некоторые историки, подавленной противоположной тенденцией — подчинением общества авторитарной модификации догосударственного вечевого идеала. Путь между смутами происходил в кровавых поисках некоторого устойчивого состояния, основы для интеграции общества. В конце этого отрезка лежит попытка Ивана IV, граничившая с патологией, через кровавый террор, доведенный до крайних форм спарагмоса, найти решение в установлении крайней формы авторитаризма. Попытка закончилась национальной катастрофой, в которой, по мнению некоторых специалистов, погибла или бежала треть населения. Попытка новой интеграции пошла по пути компромисса между вариантами догосударственного идеала, то есть поиска их синтеза, что открывало возможность поиска новых решений, новых интерпретаций на иных культурных основаниях. Однако массовый потенциал предбуржуазного развития оказался катастрофически подорванным. Попытка завершилась реальным крайним авторитаризмом Петра I, в основе которого архаизация занимала важное место в сфере средств, используемых в государственном управлении, а также в качестве средства развития производства, например, крепостных мануфактур.